

В.С. Попова

РИТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОБРАЗА ЛОГИКИ¹

На основе обращения к некоторым фрагментам логических учений А.И.Введенского и Н.О. Лосского, автор приходит к мысли об использовании риторического анализа фрагментов текста в качестве одного из средств объяснения затруднений и нестыковок в исследуемых концепциях. При работе по выявлению авторского образа логики требуется механизм, открывающий доступ к пояснению ценностей и психологических установок, явным образом не приводимых автором текста. Эти задачи может решить анализ риторических приемов аргументации. В статье освещены теоретические основания такого метода исследования.

Through addressing certain fragments of A.I. Vvedensky and N.O. Lossky's logical teachings, the author comes to the idea of using rhetorical analysis of text excerpts as a means of explaining difficulties and inconsistencies in the concepts analysed. The detection of the author's image of logic requires a mechanism granting access to the values and psychological attitudes implied by the author of the texts. These problems can be solved through the analysis of rhetoric argumentation devices. The article presents a theoretical framework for this research method.

Ключевые слова: *логика, образ логики, методология историко-логического исследования, А.И. Введенский, Н.О. Лосский, анализ риторических средств, этос, пафос, риторический прием, фигура речи.*

Key words: *logic, image of logic, methodology of historical-logical research, A.I. Vvedensky, N.O. Lossky, analysis of rhetoric devices, figure of speech.*

В истории развития логики можно встретить концепции, не ставшие парадигмальными, но сыгравшие в своё время значительную культурную и образовательную роль. Таковыми являются, например, отечественные логические

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Логика в России: спор А.И. Введенского и Н.О. Лосского», проект № 10-03-00745а

учения, сложившиеся в конце XIX-начале XX века — идеи А.И. Введенского, Н.О. Лосского, И.И. Лапшина, С.И. Поварнина и др. Имеет место факт, что, например, работы А.И. Введенского и Н.О. Лосского не вносят революционного вклада в развитие логики. Однако их рассмотрение представляет интерес вследствие того, что данные авторы предложили философски отрефлексированные целостные концепции логики, основанные на использовании средств традиционной логики, которые были явно не достаточны для решения задач, возникающих как внутри их философских концепций, так и в процессе преподавания логики в начале XX века. В этом читается определённая специфика отечественных логических концепций. У заинтересованного историко-логической проблематикой исследователя не возникает сомнений, что подобные концепции имеют познавательную и культурную ценность и должны быть включены в историю логики. В связи с этим является актуальной проблема такого представления истории логики и нахождения такой методологии историко-логического исследования, которые принимали бы во внимание не только крупные тенденции, но и частные вариации логических воззрений.

Предпринятая мной разработка понятия «образ логики»² связана с задачей построения методологии истории логики и рациональной реконструкцией отдельных эпизодов её развития. В основе этого подхода лежит представление о нелинейном характере исторического развития логики, наличии его альтернативных путей. Разработанная методология позволяет провести сравнительный анализ образов логики отдельных авторов (например, А.И. Введенского и Н.О. Лосского). Сопоставление авторских образов логики призвано сформулировать характерные черты образа логики в рамках некоторого научного сообщества, выявить важнейшие ориентиры в развитии логики исследуемого периода, объяснить характер логических дискуссий. Эти задачи представляют интерес с точки зрения социокультурного значения логики.

Образ логики может быть выделен на основе ряда определяющих параметров, исходя из которых анализируется корпус текстов, составляющих логическое учение того или иного автора. Параметры следующие:

1. тип логики;

² См. [7, с. 83-105]

2. философские установки;
3. приложения логики;
4. связь логики с мышлением;
5. трактовка логических законов;
6. степень отрефлексированности логической концепции и ее оснований.

Выявление авторского образа логики позволяет установить сходства и различия логико-философских концепций и поставить вопрос об их принадлежности более общему образу логики.

Риторический критерий при выявлении авторского образа логики.

При анализе некоторых текстов возникают ситуации, когда направленность аргументов, содержащихся в той или иной работе, вступает в противоречие с характеристикой концепции в целом, с основными её положениями. Нередко при исследовании текста можно встретить противоречивые утверждения относительно одного и того же предмета мысли.

Например, можно усмотреть нестыковку в позиции А.И. Введенского относительно эвристического значения логики. В «Логике, как части теории познания» (1917) Введенский определяет логику как «науку о правильности и ошибочности мышления. Правильным же называется мышление, пригодное для расширения знания, а ошибочным или неправильным — непригодное для этой цели» [3, с. 1], фиксируя тем самым эвристическое значение логики. На следующей странице он отмечает, что расширение знания всегда связано с открытием нового и его проверкой. И почти следом пишет, что «в настоящее время приходится довольствоваться лишь логикой проверки» [3, с. 2], а логику открытий считает неосуществимой. Логика не участвует в рождении гипотез, не описывает механизмы появления нового знания. «Логика всегда предполагает, что догадка уже возникла, и ведет речь только о том, как её проверить» [3, с. 3]. Логика осуществляет проверку знаний, способствуя тем самым его расширению. На основании этого выводим, что у Введенского эвристическое значение логики заключается, в том, что она позволяет проверить догадки, находя среди них правильные путем доказательства и делая их «прочным достоянием науки». Основным механизмом доказательства, по Введенскому, является силлогизм (следует аристотелевской логике). В связи с этим Введенский

на страницах «Логики, как части...» противостоит миллевской критике информативной бесполезности силлогистических форм. Здесь мы подходим к ситуации той самой нестыковки в позиции исследуемого автора, с которой начали наше рассуждение. Дело в том, что по Введенскому силлогизмы расширяют знание именно потому, что они позволяют получить *новое* знание, а не только лишь проверить, в чем убеждает нас автор в начале своей «Логики, как части...». Это видно из следующего пассажа: «*Силлогизмы составляют наиважнейшую часть всякого доказательства; ибо из всех умозаключений только они одни расширяют знание.* В самом деле: кажущиеся умозаключения, конечно, нисколько не расширяют знание. Ведь в их выводах нет ничего *нового* (курсив Введенского — В.П.) сравнительно с посылками...» [3, с. 205]. Логика, содержащую учение о правилах, «соблюдение которых приводило бы нас к открытию новых истин, ... называют *логикой открытий* (курсив Введенского — В.П.)» [3, с. 2]. Если силлогизмы дают в заключении новое знание, тогда они могут быть отнесены к логике открытий. Но Введенский постулирует, что «логика открытий» неосуществима. Силлогистика же составляет ядро традиционной логики, называемой им логикой проверки. Очевидно, что силлогизмы в логике Введенского не имеют никакого отношения к механизму появления догадок и, соответственно, к «логике открытий». Они входят во всякое доказательство, осуществляя проверку, обоснование и таким образом расширяя знание, вводя в научный оборот обоснованные и проверенные догадки³. В рамках концепции Введенского уже на основании этого силлогизмы имеют эвристическое значение. Однако, он по каким-то причинам наделяет силлогизмы свойством выводить новое по сравнению с посылками знание, что вносит путаницу в его собственное разграничение логики открытий и логики проверки. Где искать объяснение этой неточности?

Параметр (6) образа логики призван фиксировать такого рода расхождения и находить им объяснения. На наш взгляд, здесь следует стремиться к объяснению исходя из установки максимальной непротиворечивости текста, что мы и сделали в приведенном выше примере. Однако само обнаружение не дает средств объяснения источника нехарактерных для концепции в целом тенденций, противоречивых

³ Введенский предпочитает использовать термин «догадка» как более широкое понятие, чем понятие «гипотеза» (см. [3, с. 2.]

высказываний и т.п. Эти нестыковки часто не проясняются исходя только лишь из рационально-теоретического содержания учения. Значит, в их основе лежат некие неосознаваемые автором текста установки. Таким образом, при работе с текстами по выявлению авторского образа логики требуется механизм, открывающий доступ к пояснению ценностей и психологических установок, явным образом не приводимых автором текста. На наш взгляд в качестве такого инструмента может быть использован *анализ риторических средств*, встречающихся в исследуемом тексте.

Что может дать риторический анализ работы? Как он характеризует позицию автора, в отличие от анализа рациональных аргументов, приводимых в тексте явным образом? В конечном счете, эти вопросы сводятся к проблеме определения области ведения риторики среди дисциплин, занимающихся рассуждениями. Логика и риторика были разграничены самим Аристотелем. А вот вопрос о демаркации *риторики* и *теории аргументации* — проблема обсуждаемая, не получившая пока однозначного решения.

Так А.А. Ивин не проводит различий между этими дисциплинами, по крайней мере, в учебной литературе. «Риторику как исследование техники убеждения иногда называют также теорией аргументации. Это новое название в известном смысле более удачно» [5, с. 4], — пишет он в одном из учебников. Определения риторики и теории аргументации, вводимые им в учебниках по этим дисциплинам, практически идентичны.

Но сама практика преподавания таких дисциплин как риторика и теория аргументации формирует потребность в разграничении этих областей знания. Причины трудностей такого разграничения были очень точно зафиксированы В.Н. Брюшинкиным. «Несмотря на длительное развитие риторики, её предметная область, исходные абстракции и методология исследования не проработаны» [1, с. 10] Теория аргументации также не имеет четкой предметной области и представляет собой совокупность различающихся по ряду существенных параметров теорий.

Чтобы обоснованно осуществлять риторический анализ текста, следует принять некоторую позицию в вопросе определения риторики. Античная риторика формировалась как совокупность описаний приемов успешного речевого

воздействия на публику. Применение этих уже более или менее упорядоченных способов убеждения представляет собой конкретную реализацию системы аргументов субъекта убеждения с учетом внешних для него факторов. Таким образом, собранные в риторике приемы включаются в процесс перехода мысли из невысказанного в высказанное состояние. Риторика предстает как осуществление аргументации и дает средства оформления аргументов, учитывая представления субъекта об адресате [2].

Учитывая все вышеизложенное, мы ограничимся следующим определением. *Риторика — совокупность способов представления аргументации, используемых с целью повышения её убедительности.* Исходя из этого корпус текстов, содержащих аргументированную позицию некоторого автора по вопросам логики, может быть проанализирован с точки зрения насыщенности риторическими средствами. Этот критерий помогает расставить акценты при анализе отдельной логической концепции. Поэтому нам представляется целесообразным учитывать его в работе по выявлению авторского образа логики.

Возникает вопрос: во всяком ли тексте, содержащем логическую проблематику, может быть найдена риторическая составляющая? Поскольку всякая аргументация осуществляется в речи или тексте, то можно обратить внимание на то, каким образом это делается. Риторические приемы повышают выразительность и изобразительность речи, а это, в свою очередь, усиливает аргументацию. Очевидно, что выразительность и изобразительность речи в наибольшей степени свойственна художественным текстам. Но и в рациональных научных текстах риторические средства тоже встречаются. Действительно, при осуществлении аргументации используются такие риторические приемы, как преобразование умозаключений в энтимемы путем опускания суждений и образование структуры, выразимой во внешней речи; изменение порядка следования посылок и заключения; приспособление формы суждений к требованиям естественного языка [2], а также фигуры мысли и слова. Что-то из перечисленного обязательно встречается в научных текстах. Более того, в них риторические приемы особенно обращают на себя внимание в связи с тем, что являются вспомогательными средствами аргументации и сопряжены, на наш взгляд, с иррациональной составляющей оценки положений собственной

концепции её автором. Поэтому риторические акценты логических текстов значимы при выявлении образа логики автора, при нахождении особенностей его представлений о логике. Таким образом, риторические средства не являются характерными и довлеющими для логических текстов. Они могут быть учтены при обнаружении непоследовательностей концепции, позволяют взглянуть на источник с точки зрения расставляемых автором текста эмоциональных и не вполне осознаваемых акцентов. Усиленные риторически аргументы позволяют усмотреть наиболее аффективные для автора элементы его позиции.

Характерная черта риторики заключается в том, что имеющееся в её арсенале способы убеждения используются с учетом контекста публичного восприятия послания. Риторика как искусство публичного слова в большей мере проявляет себя в ориентированных на публику, полемических текстах. Именно в публичной и дискуссионной речи особенно важны обстоятельства места, времени, психологического состояния субъекта и адресата аргументации. С точки зрения выявления образа логики это инициирует два замечания. Во-первых, предпочтительно обращаться к текстам, которые были созданы для публичного выступления перед научным сообществом или отражают вовлеченность их автора в дискуссию по вопросам логики. Во-вторых, риторические приемы привлекают внимание к тому, что касается контекста логических дискуссий, а также иррациональной составляющей аргументации. Риторическая аргументация выходит за рамки анализа логических отношений, она требует ориентироваться на аудиторию, её особенности. Такие сведения важны в ситуации, когда следует вписать логическую концепцию в контекст культуры, отразить особенности логических дискуссий в истории логики, учесть периферийные пути развития логики. Все перечисленное может быть учтено при выявлении авторского образа логики. Следовательно, *риторическая составляющая текстов, отражающих логическую концепцию, должна быть принята во внимание*. При выявлении авторского образа логики нет необходимости выстраивать целостную модель риторической аргументации некоторого текста. Достаточно, на наш взгляд, отметить риторические акценты, встречающиеся в интерпретируемых фрагментах сочинений исходя из конкретной задачи анализа (например, объяснение нестыковки в исследуемом тексте). В таком случае риторическое исследование

источника будет обозримой работой и не приведет к дискретности представлений о концепции, т.е. не будет противоречить задаче выявления образа логики как целостного представления о логике.

Согласно классическими риторическим ориентирам риторическая аргументация отражает этос (ethos) и пафос (pathos). *Этос* — это условия уместности произнесения речи (место время, обстоятельства и т.п.). Можно взглянуть на источник, содержащий риторическую аргументацию шире, как на текст, адресованный публике. Тогда этос отражает то, как учтен контекст, сопровождающий знакомство публики с текстом, условия его привлекательности для адресата. «*Пафосом* принято называть намерение, замысел создателя речи, имеющего цель развить перед получателем определенную и интересующую его тему» [8]. Пафос, таким образом, отражает эмоциональное переживание автором своих идей, их значимости, иерархию смыслов. Гармоническое сочетание этоса и пафоса фактически рождает текст как некий компромисс внутренне переработанной и внешне оформленной речи.

Указанные классические характеристики риторического послания реализуются в конкретных риторических приемах, особенно — в используемых фигурах речи. «Риторическая фигура — воспроизводимый прием словесного оформления мысли, посредством которого ритор показывает аудитории свое отношение к ее содержанию и значимости» [4]. С этой точки зрения именно фигуры мысли и слова наиболее явно указывают на особенности взаимодействия этоса и пафоса в речи. Усиленные риторически положения отражают переживания автором и естественным образом обращают на себя внимание читателя, слушателя. Для нас важно то, какие выводы позволяют сделать такого рода фрагменты текста с точки зрения образа логики некоторого автора. При этом рассмотрение риторических приемов во фрагментах текстов обладает самостоятельным значением, поскольку позволяет глубже осмыслить их содержание и подоплеку.

Предположение. Фрагменты текста, усиленные риторическими приемами, могут указывать, по крайней мере, на две тенденции.

1) Спорность положений, усиленных риторическими средствами. Возможно, такого рода идеи вызвали наиболее оживленный отклик в академической среде своего времени и их автор чувствовал необходимость усиления убедительности,

делая послание более изобразительным и выразительным. Иногда в тексте дискуссия представлена явным образом, даны ссылки на возражения оппонентов. Однако, не меньший интерес представляет выявление не обозначенных открыто, но наиболее выразительно предлагаемых адресату положений. Риторический анализ текста дополняет картину, подкрепляя выводы, полученные при анализе логической концепции по другим параметрам образа логики.

2) Автор логического учения по тем или иным причинам придает наибольшую значимость положениям, усиленным риторически. Стержневые положения концепции в рациональных текстах выражаются явно и акцентируются автором. Риторически усиленные положения могут быть синонимическими повторами, перформулировками таких концептуальных идей. Зная основные положения концепции, можно это усмотреть. Усиленные риторически положения также могут представлять собой необходимые посылки, для которых по каким-либо причинам есть недостаток рационального обоснования.

3) Пункт 1) не исключает пункт 2). Приводимый ниже риторический разбор фрагмента текста является примером такой ситуации (3), когда риторической поддержке подлежат спорные положения, которым наряду с этим субъект аргументации придает большое значение.

Так, в логической концепции Лосского есть оригинальное нововведение в логику, инициировавшее активную критику со стороны его учителя А.И. Введенского. Исходя из интуитивистского взгляда на природу причинности и особенностей трактовки логической связи, Лосский обосновал условия правильности всех четырёх модусов условно-категорических умозаключений. В «Логике» (1922) он сначала приводит традиционное учение об условно-категорических умозаключениях, затем указывает, что именно мешает традиционной логике принять считающиеся неправильными схемы этого вида рассуждений (от утверждения следствия к утверждению основания и от отрицания основания к отрицанию следствия). Среди пассажей этой части его сочинения встречаем: *«Если бы не было этой особенности в структуре суждений, если бы суждение всегда состояло из двух звеньев А и В, из которых первое было бы чистым от посторонних элементов основанием для В, то возможны были бы четыре модуса...»* [6, с. 77]. Очевидно, что здесь встречается анафора («если бы»),

а также антитеза («не было» — «всегда состояло»). Анафора как фигура прибавления демонстрирует уверенность, дрящееся чувство. Фактически Лосский высказывает предположение об условиях достоверности всех видов условно-категорических умозаключений, но в этом предположении проявляет себя эмоция уверенности в собственной правоте. Пытаясь беспристрастно передать классическую позицию по излагаемому вопросу, Лосский как бы забегаёт вперед, демонстрируя эмоциональную уверенность в иной, собственной, оригинальной трактовке этой темы. То, что явным образом выражено как препятствие для принятия правильности всех четырёх видов условно-категорических умозаключений, фактически, вероятнее всего, оценивается им как несущественное, мнимое. В последующем изложении темы условно-категорических умозаключений, (следуя заявленной во введении структуре изложения — сначала традиционный взгляд, затем — интуитивистский), Лосский описывает условия возможности достоверных выводов по неправильным схемам. В данном случае использование анафоры демонстрирует стойкую уверенность, непоколебимость в позиции, могущей встретить отпор со стороны адресата аргументации (в данном случае — академического сообщества). Использование же антитезы в приведенном отрывке привносит избыток смысла, а также подчеркивает суть утверждаемого в речи. Лосский был заинтересован в том, чтобы его идея получила понимание и поддержку. Действительно, учение интуитивизма в целом и его особенности, проявившиеся в логических вопросах, вызывали оживлённую дискуссию в университетской среде. Фактически концепция Лосского (в период его работы на кафедре философии Санкт-Петербургского университета) постоянно находилась под прицелом внимательного и влиятельного критика — А.И. Введенского. В этих условиях Лосский отстаивал собственное направление в философии, многим непонятное, и постоянные разъяснения и повторения ключевых положений и их следствий было просто необходимо. Это подтверждается тем, что в своем стиле изложения Лосский довольно часто использует амплификации. Одна из наиболее часто встречаемых фигур в сочинениях Н.О. Лосского — это плеоназм, т.е. избыточность выражения («избыточное употребление выделяемого по смыслу слова или оборота, смысл которого в выделении значимого слова или оттенка значения» [4] Например: «Классическая логика объясняет многозначность связи

множественностью оснований; иными словами, она утверждает, что одно и то же следствие может быть получено в разных случаях из различных оснований» [6, с. 75]. Или: «Попытка произвести вывод *регрессивно от наличия следствия* (курсив мой — В.П.) есть умозаключение не от следствия к основанию, а от следствия к предмету...» [6, с. 75]. В последнем примере «регрессивно» — то же самое, что «от наличия следствия». Такого рода дополнительные пояснения в «Логике» Лосского очень распространены. Иногда они представляются даже избыточными, не проясняющими, но, напротив, препятствующим пониманию сути дела.

Вернёмся к вопросу о том, как может быть использован риторический анализ текста при столкновении с противоречивыми утверждения относительно одного и того же предмета мысли. В начале статьи была рассмотрена трудность, встречаемая в «Логике, как части теории познания» А.И. Введенского. С одной стороны, логика открытий неосуществима, с другой стороны — силлогизмы дают в заключении новое знание, поэтому они могут быть отнесены к логике открытий. Исходя из целостного представления об образе логики А.И. Введенского, можно предположить, какая из этих противоречивых позиций наиболее органична для его логического учения в целом. Философская установка, лежащая в основе логического учения Введенского — философский логицизм. В нем логика предстает не основой, а средством развития философского учения. Введенским выработано «новое, совершенно независимое (конечно, логически, а не генетически) от критицизма, доказательство неосуществимости метафизического знания» [3, с. III]. Тем самым Введенский признает, что идея о неосуществимости метафизического знания заимствована им из философии Канта, сам он предлагает новое доказательство (не новую идею, но её новое обоснование), т.е. проверку предлагаемой идеи. Получается, с точки зрения методологии его логицизма, логика дает способ проверки и обоснования, не касаясь появления новой идеи.

Кроме этого аргумента, можно привести и такой. В «Логике, как части...» Введенский демонстрирует желание исключить вопросы, относимые к области психологии, что продиктовано его стремлением отмежеваться от психологизма в интерпретации логики. Рассуждая о процессе возникновения новых догадок, Введенский находит, что он зависит от индивидуальных особенностей личности,

а не от соблюдения правил мышления. Он пишет: «При тех же самых обстоятельствах, при которых даровитый человек приходит к *блестящим открытиям, к счастливым догадкам*, у человека *заурядного, лишенного научного творчества* не возникает ровно никакой догадки, хотя бы он знал все, что известно и первому» [3, с. 3]. Избыточность выражения (отмечено курсивом) призвана заострить внимание на выделяемом по смыслу обороте. Плеоназм указывает, что автор рассуждения уверен в распространяемой мысли, но поскольку его уверенность требует усиления убеждающего воздействия, возможно он не считает эту мысль очевидной для адресата аргументации (вопрос дарования в данном примере имеет отношение к психологическому взгляду на вещи, при котором, по мнению Введенского, велика степень неопределённости). В приведенном здесь примере плеоназм усилен антитезой («даровитый человек» — «человек заурядный»; «счастливые догадки» — «никакой догадки»), которая делает мысль более яркой, акцентирует на ней внимание читателя. Из этих и других возможных замечаний следует, что выстраиваемая А.И. Введенским логика — это традиционная логика проверки, служащая для обоснования, доказательства догадок, возникающих вне сферы ведения логики, и в этой позиции профессор демонстрирует уверенность и настойчивость.

Как же тогда вписывается в эту позицию утверждение Введенского о том, что заключение силлогизма дает новое по сравнению с посылками знание? Предположим, что рассмотрение риторических приемов усиления убеждающего воздействия фиксирует наше внимание на тех положениях учения, которые вызвали у исследуемого автора наибольшие эмоциональные колебания (от неуверенности до настойчивости). Тогда, обращение к риторическому критерию работы с текстом может показать, какие мысли, не вписывающиеся в общую картину учения, снабжены риторическим усилением аргументации. На основании такого анализа можно сделать предположение об источнике, заставившем философа ввести такие части учения. Мысль об эвристическом значении силлогизмов звучит в «Логике, как части...» в связи с критикой мнения Д.С. Милля. Для Введенского вопрос об эвристическом значении силлогизмов — дискуссионный. Для него несомненно, что силлогизмы расширяют знание, но это расширение происходит за счет того, что всякое

доказательство содержит силлогизмы. Доказательство же, в свою очередь, вводит уже возникшие догадки в состав науки; оно не изобретает, но судит. Говорить о силлогизме как источнике именно нового знания Введенского заставляет противостояние с позицией Милля. Соответствующий параграф «Логики, как части...» «Значение силлогизмов и ошибочность мнения Милля об их значении» насыщен риторическими приемами диалогизации: Введенский формулирует вопросы и дает ответы. Например: «Естественно спросить себя: все ли умозаключения одинаково важны?...»; «Можно ли сказать, что знание расширяется с помощью умозаключения...?»; «Но почему Милль не заметил такого простого обстоятельства?» [3, с. 205-207] и др. Такие приемы, как правило, призваны упреждать возражения, а также указывают на некоторую степень неуверенности автора. Из каких источников может ожидать возражений Введенский в своей критике миллевского мнения о значении силлогизмов? В одной из сносок Введенский упоминает, что предыдущее издание его «Логики, как части...» подверглось критике со стороны В.Э. Вальденберга и Н.О. Лосского, «которые упрекали меня, что у Милля говорится больше, чем затронуто моей критикой» [3, с. 208]. Утверждение о том, что вывод силлогизма содержит новое по сравнению с посылками знание инициировано ситуацией противоборства мнений, а также нежеланием полагаться в открытии нового знания лишь на методы индукции, предложенные Миллем. Введенский, по сути, включает индуктивные методы в состав логики на основании того, что в них используются силлогизмы, приводя их в книге скорее как исторический обзор идей Бэкона-Милля.

Таким образом, рассмотренное спорное утверждение об эвристической роли силлогизмов не следует считать определяющим в составе целостного представления о логике А.И. Введенского. В связи с этой ситуацией отметим еще одну деталь. Книгу Д.С. Милля «Система логики, силлогистической и индуктивной» Введенский оценивает, используя образные выражения, усиленные антитезой, которые выделяются из основного стиля повествования: «Это превосходная во всех отношениях, но насквозь пропитанная рассматриваемым здесь ложным взглядом книга...» [3, с. 206]. Данное высказывание демонстрирует пафос, как отраженное в риторических приемах эмоциональное переживание субъектом аргументации особенностей собственной позиции. Можно

предположить, что Введенский не принимает индуктивизм и эмпиризм не только на уровне рациональной аргументации, но и на уровне ценностей и психологических установок.

В заключение заметим, что «Логика, как часть...» 1917 года выпуска, фрагменты которой рассмотрены в этой статье, — это уже третье, в очередной раз переработанное Введенским издание, досконально продуманное им, рациональное. Кроме того, что «Логика, как часть...» представляет собой фундаментально исследование, это учебная книга, которая должна освещать предмет беспристрастно, отражая устоявшуюся в науке точку зрения. Поэтому эмоционо-выразительная составляющая текста здесь минимизирована. Нам пришлось обратиться к такому скудному с риторической точки зрения тексту в силу того, что в процессе работы с ним уже были выделены вопросы, могущие быть рассмотренными с использованием риторического анализа. Дальнейшее исследование может пойти по пути разбора наиболее употребляемых А.И. Введенским и Н.О. Лосским риторических приемов. В этой работе следует предварительно произвести отбор подходящих для решения такой задачи фрагментов текстов.

Литература

1. *Брюшинкин В.Н.* Аргументорика: исходная абстракция и методология // Модели рассуждений — 2: аргументация и рациональность. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. 7-19.
2. *Брюшинкин В.Н.* О двоякой роли риторики в системной модели аргументации // РАЦИО.ru. 2010. № 3.
3. *Введенский А.И.* Логика, как часть теории познания. Третье, вновь переработанное издание. Петроград: Тип. М.М. Стасюлевича, 1917.
4. *Волков А.А.* Курс русской риторики. [Электронный ресурс] URL: www.avtomaster.msk.ru/books/1185365024.Kurs_russkoj_ritorikis.html (дата обращения: 10.09.2010)
5. *Ивин А.А.* Риторика: искусство убеждать. Учебное пособие. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003.

6. *Лосский Н.О.* Логика. Часть вторая. Петроград: Наука и Школа, 1922.
7. *Попова В.С.* Спор о логике в университетской философии Санкт-Петербурга начала XX века. Монография.– Калининград: Издательство РГУ им. И. Канта, 2010.
8. *Рождественский Ю.В.* Теория риторики. [Электронный ресурс] URL: www.nature.web.ru/db/msg.html?mid=1151342&uri=chapt1d.htm (дата обращения: 10.09.2010)

Об авторе

Попова Варвара Сергеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии исторического факультета Российского государственного университета имени Иммануила Канта, varyud@mail.ru

About author

Dr. *Varvara Popova*, Associate Professor, Department of Philosophy, Faculty of History. Immanuel Kant State University of Russia, varyud@mail.ru